

АННА ДАНИЛОВА

психологический детектив

СЛЕЗИНКА В ЯНТАРЕ

Люби, чтобы воскреснуть

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Анна Данилова

Слезинка в янтаре

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А.

Слезинка в янтаре / А. Данилова — «Автор», 2017 — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой)

ISBN 978-5-04-088648-7

Наша судьба – как спящая красавица: так и будет таиться в забвении, пока не придет тот, кто песней или поцелуем пробудит ее к жизни. Но не сказочную, не воображаемую, а самую настоящую мертвую царевну, оказывается, можно найти в пещере в дебрях тайги – и это в наши дни, когда ни в сказки, ни в судьбу никто не верит. Вот только каково ей, той, что ни во что не верит, всю жизнь играть мертвую царевну, таиться от судьбы, стать слезинкой в янтаре?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-088648-7

© Данилова А., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Принцесса	6
Валентина	7
Ольга	12
Валентина	14
Александра	18
Валентина	23
Ольга	27
Валентина	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анна Данилова

Слезинка в янтаре

Все действующие лица и события в этой книге вымышлены

© Дубчак А. В., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

Принцесса

– Смотри, у нее даже глаза открыты. Так и хочется еще раз сфотографировать.

– Успокойся уже. Это опасно. Пойдем скорее отсюда. Не знаю, как ты выдерживаешь, – меня уже воротит от запаха чеснока.

– А я бы смотрела и смотрела... Вот она, настоящая Тисульская принцесса. Глаза голубые, волосы рыжие. Платье из какого-то фантастического белого кружева. И раствор волшебный, не поймешь, какого цвета – не то голубой, не то розовый. Но зрелище по-настоящему завораживающее. Красавица. Инопланетянка. Сколько же она пролежала в этом мраморном гробу?

– Восемьсот миллионов лет.

– От таких чисел голова кружится. Невероятное что-то. Может, мы слишком торопимся отсюда уезжать? Ты только посмотри на нее!

– Поехали, говорю! Не сходи с ума! Мы должны исчезнуть до того, как пещеру завалят. Все, забудь уже эту историю, как страшный сон.

– Трус ты, понятно?

– Главное – вовремя поставить точку.

– Трус! Трус!

Он подошел к белому мраморному гробу, который возвышался на розовой каменной подставке и был подсвечен мощным фонарем, – его установили на выступе одной из стен. Опустил прозрачную крышку. Раздался звонкий стеклянный звук, и сразу за ним наступила тишина. Зловещая, опасная.

Его спутница стояла совсем близко от мраморного гроба и смотрела на девушку на самом его дне как загипнотизированная.

Резкий свет фонаря мазнул по стенам пещеры, слоистая каменная поверхность засверкала в его луче. Человек с фонарем схватил спутницу за руку и потянул за собой. К выходу, к свету.

Валентина

– Мне кофе американо и тарталетку с ягодами.

Кофейня «Мой шоколад» («My chocolate»), где я работала, была в то время практически моим домом. В уютном заведении звучала ненавязчивая музыка, пахло свежим кофе и ванилью. Нашими посетителями были люди спокойные и небедные. Еще одно несомненное достоинство этого места заключалось в том, что здесь имелись довольно просторные подсобные помещения. Хозяину удалось выкупить особняк в самом центре Москвы. В маленькой подсобке с диваном и узким шкафом я иногда оставалась ночевать.

Причины? Иногда мне просто нужно было перекантоваться: с одной квартиры я уже успевала съехать, другую пока не могла найти. Квартиранткой я была не слишком дисциплинированной, могла отдать ползарплаты за новое платье или косметику, и тогда на жилье не оставалось и меня просто-напросто выставляли за порог. С вещами. Бывало и так, что я ночевала в кафе из-за мерзкой погоды. Ночью в дождь или в метель мне совсем не улыбалось ехать через всю Москву в свою дешевую конуру в спальном районе. Гораздо приятнее было, оставшись в кафе одной – похрапывающий охранник в гардеробе не в счет, – принять душ и нырнуть под одеяло, чем тащиться до метро, чтобы утром в такую же слякоть или метель ехать обратно на работу. Будь я не одна, конечно, я мчалась бы к метро сломя голову. Но только ни мужа, ни даже парня, ради которого стоило изменить свои привычки, пока не намечалось, а потому я жила как хотела, стараясь создать для себя максимальный комфорт.

Мне было двадцать, впереди вся жизнь, я была свободна и даже по-своему счастлива. Конечно, мне бы не хотелось всю жизнь работать на чужого дядю и разносить кофе с пирожными. Моей мечтой было собственное экскурсионное бюро, вот только мечта эта оставалась недостижимой, в чем я прекрасно отдавала себе отчет. Никаких исключительных способностей, чтобы зарабатывать своим умом или талантом, у меня нет. Что ж, это означает, что, скорее всего, я, не получив образования, буду сначала разносить кофе, потом, годам к сорока, мыть посуду в том же кафе, а ближе к шестидесяти – драить там же полы. Удачный брак мог бы изменить мою судьбу. Но опыт замужних подруг, которым брак не принес ничего, кроме разочарования, был у меня перед глазами. Признаться честно, я не была уверена, что так уж хочу связывать свою судьбу с кем-то.

Оставалось жить каждым днем, встречая его с улыбкой, и радоваться тому, что я работаю в таком красивом месте и доставляю нашим посетителям радость.

Конечно, зарабатывала я не так уж много, всего тридцать тысяч, десять из которых надо было отдавать за жилье, а на остальные двадцать как-то существовать. Большим плюсом в моей работе было еще и то, что я всегда была сыта и даже, если после работы все-таки ехала домой, могла прихватить кое-что поесть. Само собой, мне иногда перепали чаевые, что тоже было неплохо. У нас, конечно, просто кофейня, где заказывают напитки и сладости, а не дорогой ресторан с алкоголем и деликатесами, где платят щедрые чаевые. Зато здесь ко мне никто не приставал и не трепал нервы. Опыт работы в подобном заведении у меня имелся, и я до сих пор с содроганием вспоминаю одного посетителя, мерзкого пьяного парня с рябым лицом, который чуть не изнасиловал меня в своей кабинке.

– Торт «Опера» и чай с лимоном.

Я записывала заказы маленьким карандашиком и, ловко лавируя между столиками, разносила ароматный кофе, чай, пирожные. На мне была форма – черная узкая юбка и кофейного цвета блузка с белым кружевным воротничком. Туфли-лодочки на небольшом каблучке ступали по толстым коврам неслышно. Все бы хорошо, только спина к вечеру начинала болеть, и еще ныли суставы, особенно в плечах.

На двери зазвенел колокольчик. Вошел посетитель, один, без спутницы, что само по себе у нас было странно. Нет, есть, конечно, мужчины-сладкоежки, которые заглядывают в наше заведение, чтобы съесть кусок вишневого штруделя или клин наполеона, – в сущности, это и есть наши самые приятные постоянные посетители, и это именно они платят хорошие чаевые, и всех их мы знаем и встречаем, как старых знакомых.

Но этот был мне не знаком, да и сел он сразу в самый темный угол зала, так что я даже не успела разглядеть его лицо. Высокий и худой – он даже силуэтом не напоминал ни одного из наших постоянных посетителей. Это был мой столик, и я направилась принимать заказ, мысленно прикидывая, что этот гость мог бы заказать. Скорее всего, салат и водку. Время от времени к нам заглядывают и такие вот типы – им все равно, где выпить и закусить или просто переждать непогоду, согреваясь алкоголем. Некоторые заходят к нам выпить исключительно по географическому принципу – это жители нашего района, желающие пропустить рюмку-другую после работы. Те же, кто пьет много и долго, проводят вечера в барах по соседству.

Я подошла к столику, и сердце мое остановилось. На меня смотрел тот самый мужчина, который в пьяном виде набросился на меня на прежнем месте работы – в дорогом ресторане с отдельными кабинками. Девушки-официантки, как правило, со временем привыкают к разного рода неприятным ситуациям, которые случаются по вине подвыпивших клиентов. Здесь и пьяные придирки, и пристаивания, и острые конфликты – все, что следует проглотить, чтобы сохранить работу. Я тоже успела ко многому привыкнуть и научилась улаживать конфликты. Знала уже, как успокоить клиента, находила нужные слова. Но этого мужчину я запомнила на всю жизнь.

Не сказать что он был очень уж опасен, дело не в этом. Да, он набросился на меня, когда я принесла ему очередную порцию виски, повалил на диван, стал срывать с меня одежду. Мужчины иногда срываются, превращаясь в животных, женщины это знают и презирают их за это. Но в случае с этим типом главное было не в том, что он делал, а в нем самом. Отвратительная внешность: крупный нос с прыщами, толстые влажные губы, маленькие, глубоко запавшие глаза. И еще какой-то рыбный запах, исходящий от него и вызывающий отвращение до спазмов в горле. И это при том, что выглядел он вполне респектабельно: дорогой костюм, ботинки, золотые перстни на пальцах и прочие мелочи, указывающие, что человек богат.

На этот раз на нем были джинсы и черная рубашка. Он смотрел на меня так, как если бы много лет искал, как своего единственного опасного врага, и вот наконец нашел. Прожигал меня немигающим взглядом темных маленьких глаз.

– Привет.

Я даже отшатнулась от него.

– Тебя зовут Валентина, это я помню. – Он с усмешкой взглянул на бейджик, приколотый к моей блузке. – Я и фамилию узнал – Юдина. Я прав?

– Что будете заказывать? – Я старалась сохранять спокойствие.

– Водку и салат.

– Вы выбрали, какую именно водку и какой салат?

– Все равно.

Повернулась, чтобы уйти. Он прошипел мне в спину:

– Мне еще никто не отказывал, поняла?

Я замерла, понимая, что вот сейчас он скажет что-то еще, что окончательно выведет меня из равновесия. Какую-нибудь гадость. И точно, он назвал мой адрес. Даже номер квартиры.

– Сюда я больше не приду, а вот домой к тебе загляну. Уже сегодня. Так что готовься.

Я бросилась на кухню. Сердце мое колотилось, я чувствовала, как на лбу выступила испарина. Это был страх. Он понимал, что здесь, в «Шоколаде», не сможет ничего сделать, не то это место, да и кабин отдельных у нас нет. А вот подкараулить меня дома – легко.

Заказ я передала подружке Сашке, а сама постучала в кабинет шефа. Мягкий и улыбочивый Миша, как мы его между собой называли, Михаил Борисович Пелькин встретил меня удивленно приподнятыми бровями. Так он задал немой вопрос: что случилось?

– Мне нужно срочно уехать. По семейным обстоятельствам.

– Да пожалуйста! – Он улыбнулся, развел руки. – Хоть сто порций!

Конечно, почему бы меня не отпустить, тем более что я почти живу в кафе. Я кивком поблагодарила его, вызвала такси и уже через полчаса поднималась на лифте к себе. У меня был план. Конечно, покупку пальто придется отложить до лучших времен, но чего не сделаешь ради спокойствия и даже безопасности.

В моей телефонной книге был один номер, который я хранила про запас. Он принадлежал пожилой даме, которая сдавала комнату на Цветном бульваре. Вернее, она ее не сдавала, поскольку боялась, что жильцы окажутся людьми непорядочными и даже опасными. Но вот мне, как она выразилась, могла бы сдать хоть на всю жизнь. Дама, ее звали Людмила Николаевна, была нашей постоянной посетительницей, большой любительницей эклеров. Испытывая ко мне симпатию, она время от времени устраивала праздники и для меня – заказывала целую коробку пирожных, чтобы потом подарить мне.

В какой-то момент ее скучное вдовство перестало быть таким унылым: появились радостные хлопоты, связанные с рождением правнуков-близнецов. Пришлось моей Людмиле Николаевне запереть свою двухкомнатную квартиру на Цветном бульваре и переехать к внуку в Столешников переулок. Там она жила уже четыре года. В то время у ее подруги шел ремонт, она освободила одну из комнат и предложила той пожить у нее. Ремонт длился почти год. Наконец, подруга съехала и посоветовала Людмиле Николаевне сдавать комнату, все-таки центр.

Моя знакомая благодаря состоятельному внуку в деньгах не нуждалась и сдавать комнату не спешила. Я с превеликим удовольствием воспользовалась бы ее предложением и раньше, тем более что квартирная плата была такой же, но для этого нужно было расплатиться с нынешней хозяйкой – я задолжала ей за целых четыре месяца.

И тут вдруг эти угрозы. Сумма, отложенная на пальто, могла бы ускорить дело. Я созвонилась с Людмилой Николаевной, получила ее согласие на переезд, потом встретилась с хозяйкой и уладила все с ней. Оставалось только быстро упаковать вещи.

Но здесь случилось нечто непредвиденное.

Перед тем как покинуть квартиру, нужно привести ее в порядок. Я принялась за уборку. В очередной раз выйдя с мусорным ведром, я услышала откуда-то сверху, где находился последний, технический этаж, всхлипывания. К тому, что в лифтовую шахту подкидывают новорожденных котят, которые орут там, запертые, пока за ними не приходит лифтерша, чтобы спасти их и раздать, я привыкла. Но это был человеческий плач. Похоже было, что всхлипывает ребенок.

Я поставила ведро, поднялась на один пролет и увидела на подоконнике особу лет восемнадцати в длинной юбке и теплой кофте – в июльскую-то жару! Спутанные длинные волосы закрывали половину ее узкого лица.

– Эй, ты чего плачешь?

Я подошла к ней совсем близко. Она не была похожа на наркоманку или алкоголичку, но была явно нездорова.

Вместо ответа она заскулила еще громче и закрыла лицо руками. Везет мне на таких горемык. По весне подобрала в метро избитого бомжа – уж очень обильно кровоточила рана на его голове. Сначала хотела вызвать «Скорую», достала уже телефон, но бомж застонал и попросил никуда не звонить. Промычал сквозь выбитые зубы и кровавую пену, что не хочет проблем с полицией. Не оставлять же человека на улице!

Нет, конечно, я не сумасшедшая, чтобы подбирать всех бомжей Москвы и тащить к себе. Но что-то в нем было такое человеческое, жалкое, что я помогла ему подняться и привела к

себе, тем более что живу я недалеко от метро. Грязный, дурно пахнувший, избитый, в крови... Брр. Промыла ему рану на голове – там была большущая шишка с кровоподтеком, глаз заплыл. Потом сделала примочку с крепким чаем, как могла что-то там залила йодом, забинтовала, скормила ему таблетки универсального антибиотика, который в свое время вылечил меня от вирусной простуды, напоила чаем с малиной и уложила спать. Красть у меня было нечего, скромные золотые украшения и деньги я спрятала в надежном месте.

Бомжа звали Вадимом. Возраст его я так и не определила – уж очень он был заросший и бородатый. Во сне он стонал, бормотал что-то тарабарское, понять эту речь было невозможно. Я с трудом сдерживалась, чтобы не вызвать «Скорую». Однако стоило представить себе, как вот такого, больного и израненного, его бросают в камеру, как сомнения мгновенно исчезли. Я решила поддержать его у себя несколько дней, пока что-нибудь не прояснится.

Первые двое суток Вадим отсыпался. Я приезжала с работы, кормила его бульоном, пирожными из нашего кафе, поила целебным чаем и молоком, даже читала ему на ночь детские сказки – почему-то решила, что они помогут ему забыться и уснуть. По утрам я настоятельно уговаривала его поесть в мое отсутствие и уходила на работу. Так продолжалось несколько дней. Жилец мой ничего о себе не рассказывал, молчал и, судя по всему, сильно переживал, я бы даже сказала, был потрясен случившимся. Не исключено, что после побоев он забыл собственное имя.

Однажды случилось то, что должно было случиться. Он исчез. Я вернулась, открыла дверь и сразу поняла, что его нет. Какая-то особенная тишина стояла в квартире. А еще пропали деньги. Не все, конечно, а те отложенные на хозяйство, что я хранила в шкафчике на кухне, – пара тысяч рублей, не больше. Вот и вся история.

Девушка ничего не ответила, но как-то подобралась вся, сжалась, словно в ожидании удара.

– Тебе плохо? Может, «Скорую» вызвать?

Почему я должна ей доверять? Мало ли странных личностей обитает в Москве. Может, она в самом деле больна, но не исключено, что это просто мошенница, которая пытается втереться в доверие к первому встречному.

– Пойдем ко мне.

Сейчас, когда я вот-вот покину эту квартиру навсегда, я ничем не рискую. Денег нет, брать у меня нечего, квартира стоит пустая. Зато есть возможность услышать очередную драматическую историю. Сказать, что я коллекционирую такие истории, было бы грубо и неправильно. Хотя, с другой стороны, как еще назвать эту жажду услышать как можно больше жизненных историй, чтобы когда-нибудь написать настоящий роман? Тем более что мысленно я написала их уже десятки.

Она перестала всхлипывать и сползла с подоконника. На белой краске остался смазанный кровавый след.

– Эй, что это?

Она, пошатываясь, смотрела на меня. В глазах стояли слезы.

– Все понятно. – Я взяла ее за руку и потянула за собой. – Рассказывай, что с тобой. Изнасиловали? Хотели убить? Криминальный аборт? Выкидыш?

– Сделала аборт, мой парень выгнал меня из дома. Все.

История оказалась короткой и не очень-то интересной.

– Так тебе некуда идти? Родителей нет?

– Мать есть, но она меня убьет, если узнает. Она предупреждала, что не надо с ним связываться.

– Как ты оказалась здесь?

– Шла мимо, дверь в подъезд была открыта, я и зашла.

– А что в этом районе делаешь?

– Мой парень живет в соседнем доме. Я вернулась из больницы, хотела отлежаться, а он пришел, набросился на меня. – Она коснулась рукой своего носа, и я только тогда заметила, что он слегка припух, а из одной ноздри тянется бурая ниточка подсохшей крови.

– А зачем аборт сделала? Почему ребенка не оставила?

– Да ненадежный он. Ладно, пойду я.

– Куда?

– Не знаю.

Она сделала порывистое движение, чтобы встать, но ее куда-то повело, и она упала прямо к моим ногам.

Так в моей жизни появилась Оля. Моя ровесница. Девушка из молдавской деревни, для которой у судьбы не нашлось ничего лучше, чем работа на текстильной фабрике в Подмосковье – одной из тех многочисленных фабрик, где шьют «итальянские» простыни и полотенца.

Как было не позаботиться о ней? Я дала ей но-шпу, накапала валерьянки, чтобы успокоилась, а потом взяла с собой в квартиру на Цветном бульваре.

Ольга

Она мне так ничего и не объяснила. Говорит, мол, просто познакомься с ней. Найди способ ее разжалобить, пусть она сама захочет взять тебя под свое крыло. Придумай что-нибудь такое девчачье, женское, чтобы она поставила себя на твое место и захотела тебе помочь. Веди себя естественно, сама поверь в историю, которую придумашь, и живи с ней, как если бы это была правда.

Это будет единственная ложь между вами. В остальном же будь с ней откровенна. Расскажи о себе, о своей фабрике, о том, сколько тебе там платят, вернее, не платят.

Но главное – расположи ее к себе. Сделай ее желания, пристрастия, цели своими. Она такая же лимита, как ты. Приезжая, работает официанткой в кафе, парня вроде нет. Смотри внимательно, чем она интересуется, что ей нравится. Может, книги любит читать, так и ты тоже читай. Или коробки салфетками обклеивает, декупаж называется, сейчас все этим занимаются. И ты научись. Вы должны стать настоящими подругами, близкими людьми. Ты не глупая, у тебя получится. Когда я пойму, что время пришло, я расскажу тебе все.

– Она что, моя сестра? – пыталась угадать я.

– Какая еще сестра? Дело вообще не в ней. Говорю же: расскажу, когда придет срок. Никто не знает, когда это случится. Но ты не думай ни о чем таком, живи себе как жила и не забивай голову лишними вопросами.

Девчачье, женское. Я придумала аборт и парня-тирана, от которого не хотела иметь ребенка. Надо же, сработало. Конечно, я тогда понятия не имела, что мне так крупно повезет и что в день нашего знакомства Валентина привезет меня в самый центр Москвы, на Цветной бульвар. Мы вообще могли упустить ее из виду.

Помнится, в тот день я от стыда старалась на нее не смотреть. А еще я так нервничала, что у меня носом пошла кровь, что было очень кстати. Пусть думает, что меня ударил любовник.

В тот момент я, конечно, не знала, что события станут развиваться так быстро. Да что там, я сама не ожидала, что я, не очень общительная и разговорчивая, так легко сумею установить контакт с незнакомым человеком. Кто бы мог подумать, что совсем скоро я перестану смущаться и отводить глаза. Выходит, я действительно поверила в существование парня и аборта. Да что там, у меня весь вечер болел низ живота, как будто мне на самом деле сделали операцию. Только кровь, которой нужно было испачкать белый подоконник, была не моя. Пришлось купить в магазине кусок сырой печени и перед входом в подъезд как следует вымазать юбку.

– Значит, тебе негде жить? Ладно, поживешь со мной. А там видно будет.

Валентина оказалась очень милой и доброй. Она не навязывала мне свое общество, понимала, что мне сейчас не очень-то хочется говорить. Весь оставшийся день она занималась обустройством нашего нового жилья. Для меня же самым удивительным было то, что я вот так, совершенно случайно, повинуясь приказанию матери, в один миг обрела и подругу, и квартиру в центре Москвы. Пускай это была не наша квартира, все равно, она была просторной и роскошной. Я уже не говорю о том, что куда приятнее делить жилье с ровесницей, чем с мамой.

– Ты лежи спокойно, а я уберу, – сказала Валя, распаковав все свои чемоданы, сумки, пакеты и узлы. – Надо вымыть полы, а потом я заварю чай и перекусим.

Вещей у нее было вроде и немного, но квартира уже через час приобрела такой вид, как будто она жила здесь всю жизнь. Круглый столик в углу оказался завален альбомами, книгами, рулонами бумаги, забрызганными коробками с акварелью, даже нотами. На письменном столе появились сразу два ноутбука, планшет и керамический горшок с ручками, карандашами и кистями. Шкаф мгновенно заполнился куртками, плащами, какими-то цветными балахонами, свитерами и джинсами. На туалетном столике выстроились в ряд флаконы и баночки

с кремами, в ванной на полочке собралась целая коллекция шампуней и средств по уходу за волосами. Квартира словно проснулась, наполнилась звуками – шорохами, тихой музыкой, льющейся из ноутбука (что-то классическое, красивое и печальное), плеском воды из кухни, звоном чашек.

Валентина сходила в магазин и принесла целую связку апельсинов и курицу. На плите закипала вода для бульона.

Хоть я и многое о ней знала, приходилось задавать вопросы, иначе моя осведомленность могла вызвать подозрения. Она отвечала коротко, думая о чем-то своем, иногда и вовсе невпопад.

– Официанткой в кафе.

– Съехать пришлось из-за одного маньяка, который меня преследует. Надеюсь, теперь не найдет.

– Не знаю, может, и обращусь в полицию.

– Рисую.

– Это пирожные из кафе. Ешь. Завтра еще принесу.

– Бумага для акварели.

– Немного играю на гитаре и фортепиано.

– Люблю, когда много апельсинов. Я их рисую, а потом ем.

Спали мы, судя по всему, на хозяйских простынях. Думаю, раньше эту квартиру вообще не сдавали, а Валентину пустили сюда исключительно по дружбе. Должно быть, здесь жила благополучная, счастливая семья. Это ощущалось в самом духе квартиры, но были еще безделушки, семейные фотографии – люди ушли, а часть своего счастья оставили нам. В такой квартире, хотелось быть честной, чистой, везучей, любимой.

Но я не была честна с Валентиной с самой первой минуты знакомства. Получается, я была мошенницей. Мошенница с завязанными глазами. Тогда я не знала, какую цель преследовала моя мать, настаивая на нашем знакомстве. Понятно было, что из этой дружбы она собирается извлечь какую-то выгоду. Вполне возможно, целью была как раз хозяйка этой квартиры. Может, мама положила на нее глаз?

Нет, моя мать не мошенница. Она так много пережила в жизни, что я заранее все ей прощаю. Из последней своей истории она чудом выбралась живой.

Всегда, когда я думаю о матери, воображение рисует заснеженную остановку где-то на окраине Москвы. Мороз, мы сидим на большом чемодане, прижимаемся друг к другу и умираем от холода.

Валентина

Не знаю, как получилось, что я, человек не очень общительный, так быстро привязалась к Оле. Она оказалась тихой, скромной. Наверное, здесь подойдет слово «кроткая». Понимая, как она страдает, не столько даже физически, сколько морально, я старалась не донимать ее расспросами. Да и какой в них смысл? Захочет – сама обо всем расскажет. Но она не рассказывала, и это, конечно, было лучшее, чего можно желать. Не возвращаясь хотя бы на словах к аборт и разрыву с любимым, она избавляет себя от новых страданий.

Невозможно было не заметить, насколько Оля вынослива и сильна физически. Уже через день после операции она поехала на свою фабрику. Несмотря на то что платили там копейки, она все равно держалась за эту работу. Потихоньку я решила подыскивать ей другое место. Предложу, а там уж как сама решит.

Что касается моего преследователя, было бы наивно полагать, что, сменив адрес, я избавилась от него навсегда.

Я так и не поняла, почему он сказал, что больше не появится в кафе. С какой стати я должна ему верить? Проследить за мной при желании тоже ничего не стоит, значит, он без труда сумеет узнать новый адрес. И все равно в этой квартире я чувствовала себя защищенной. Наверняка это было связано с духом этого места, а может, еще и с тем, что нашими соседями были люди состоятельные и серьезные. Людмила Николаевна в свое время кое-что успела рассказать о них.

Однако ни появившийся в моей жизни преследователь-маньяк, так я его про себя окрестила, ни переезд, ни знакомство с Олей не занимали меня в то время сильнее одной фотографии, на которую я случайно наткнулась в интернете.

Конечно, я могу ошибиться, но с этой фотографии на меня смотрела Аня. Моя пропавшая старшая сестра. А самое главное, что это была не простая фотография. Девушка, удивительным образом похожая на Аню, лежала в гробу.

Ее телефон не отвечал уже полгода. Ровно столько же я не получала от нее денег. Так уж у нас повелось: с тех самых пор, как мы вылетели из семейного гнезда, Аня присылала мне деньги. Всегда по-разному – то много, то совсем мало. Дело было не в суммах – благодаря этим деньгам я знала, что она жива и здорова.

Где ее искать, я не представляла. Моя сестра могла по-прежнему жить в Петербурге, в квартире, доставшейся нам от родителей, и работать в таком месте, где должны быть востребованы ее талант и способности. Но ничто не мешало ей найти очередного хахалю и отправиться с ним на край света обдeldывать там свои делишки.

Да, моя сестра принадлежит к числу людей, брезгующих физическим трудом. Она уверена, что деньги стоит зарабатывать исключительно мозгами. Плюс редкими способностями, если они у тебя, конечно, есть.

Мне-то было хорошо известно, чем и как зарабатывает моя сестра, и все равно язык не поворачивался назвать ее мошенницей. Наверное, это потому, что я ее очень люблю и считаю человеком выдающимся, гениальным.

Я закрыла ноутбук: пришла Оля. Открыла дверь своим ключом. Дубликат ключа мы сделали специально для нее.

– Я купила лимоны, предлагаю сделать домашний лимонад.

Она стояла на пороге, уставшая, но счастливая, широко улыбалась и потрясала пакетом с лимонами.

– Давай, я не против. Где-то в буфете я даже видела роскошный хрустальный графин литра на два. Займись, пожалуйста, лимонадом, а то от жары не продохнуть. Ты молодец. А я

сегодня бездельничала, никуда не выходила, как-никак законный отгул. Немного порисовала, сварила суп, пожарила печенку, поспала.

– Суп, печенка – звучит как песня.

– Голодная, значит?

– Не то слово!

Мы сели ужинать. Москва за окнами полыхала, плавилась от жары. Только когда стены соседних домов стали окрашиваться оранжевым и закатно-золотым, мы распахнули окно, чтобы впустить свежий воздух.

– Ты хорошо готовишь. – Оля улыбнулась и отставила пустую тарелку из-под супа. – В следующий раз готовлю я.

– Договорились.

– Представляешь, сегодня в электричке разговорила с одной, и она говорит, что у них в деревне живет женщина, которую по ошибке закопали живьем.

– Эдгар По отдыхает? – рассмеялась я.

– Не поняла. Кто отдыхает?

– Никто. Это я так.

– Вот не повезло, да? Представляешь: живого человека положили в гроб и закопали. А это просто летаргический сон или как это там точно называется, когда человек не дышит и пульс не прощупывается. И когда она в гробу очнулась...

– Может, не надо о гробах?

– Ой, извини, не буду.

– Да за что извинять? Интересная история, сама люблю такие. Так что там с этой женщиной? Надеюсь, осталась жива?

– Да, она проснулась, стала задыхаться, кричать. Хорошо, там на кладбище были люди – услышали, вызвали полицию. Откопали ее, конечно. Вот так.

– Ты веришь, что это было на самом деле?

– Не знаю. Почему-то всегда хочется верить в такие истории, с ними жить интереснее. И в рассказы об инопланетянах верю. Так должно быть, чтобы мы были не одни во Вселенной. А еще я думаю, что и до нас на нашей планете жили люди. Не дикари, а цивилизованные и умные.

Я положила ей на тарелку жареную печенку с картошкой. Оля благодарно улыбнулась.

– Значит, говоришь, цивилизованные? – Я сказала это исключительно с целью поддержать разговор.

– Ага. Однажды я вот так же ехала на электричке и разговорила с одним человеком. Он рассказал, что какой-то его родственник живет где-то на Севере и знает, что в соседнем доме один старик выхаживает одну девушку...

– Что? Какую девушку? – Я начала терять нить разговора.

– Да там вообще странная история. Вроде существует деревня, точно не скажу, где именно, так вот там после войны шахтеры наткнулись на странную горную породу. Откололи кусок – и увидели мраморный белый саркофаг.

Оля продолжала с невозмутимым видом поедать печенку. Даже не смотрела на меня. Уткнулась в тарелку, увлеклась, надо же. Я придвинула ей бокал с компотом.

Может, мне послышалось? Должно быть, я просто перегрелась в душной квартире.

– Белый саркофаг? – Голос у меня дрожал, совладать с собой оказалось трудно.

– Ага. – Она жадно выпила компот. – Представляешь, саркофаг оказался не пустым. В нем...

Она посмотрела на меня тем магнетическим взглядом, к которому обычно прибегают малолетние рассказчицы историй о гробе с двадцатью четырьмя колесиками, отпечатавшемся изображении змеи в глазах жертвы или оживших жителей Атлантиды. На какой-то момент Оля сама превратилась в такую девчонку.

– В том саркофаге была девушка. И лежала она, ты не поверишь, конечно, в жидкости не то розового, не то голубого цвета. Девушка неземной красоты, но черты вполне себе европейские.

– Бред. И ты в это веришь?

– Конечно, не верю. Породе, в которой якобы обнаружен этот саркофаг, а значит, и самой девушке, ни много ни мало восемьсот миллионов лет.

– Сколько-сколько?

– Согласна, бред. – Она хлопнула ладонями по столу. – Забудь.

– Ты начала рассказывать о каком-то старике.

– Да, это все связано. Словом, шахтеры нашли этот гроб и сообщили в милицию. Но прилетели почему-то военные на самолетах и вертолетах. Понятно, хотели все это вывезти. Но гроб тяжелый, с этой непонятной жидкостью, которая служила консервантом. Решили ее слить, а девушку оттуда вынуть.

– Она что, голая была? – Я хотела максимально четко представить картинку.

– Нет, что ты! На ней было белое кружевное платье. Потом ученые скажут, что на земле нет такого материала, что это что-то космическое, невероятное.

– И что же? Вынули ее из гроба?

– Они, дураки, слили жидкость, и тело стало темнеть прямо на их глазах, пока окончательно не почернело. А когда вернули раствор на место, девушка снова стала розовой, как живая. Все это, понятно, куда-то увезли, засекретили, а чтобы информация не просочилась, убрали всех свидетелей.

– Как – убрали?

– Подстроили кому аварию, кому утопление в реке. Замаскировали убийства под несчастные случаи.

– Слушай, какую жуткую историю ты рассказываешь! Откуда ты все это узнала?

– Так в электричке же и рассказали. Я тебе о чем говорю: от попутчиков еще и не такое услышишь.

– О старике ты так и не рассказала.

– Рассказываю. Спустя какое-то время местные люди нашли еще сколько-то захоронений в тех же пластах, только уже никому не сообщали об этом. Поговаривают, что одна такая мертвая царевна даже дышала. Один старик сжалился над ней и взял ее к себе, стал выхаживать. Она, представляешь, даже глаза открыла и что-то пыталась произнести на каком-то непонятном языке. Старик быстро смекнул, что на этом можно заработать, и стал показывать ее приезжим. Не всем – только тем, кто мог заплатить доллары или евро. Ушлый, да?

– Чего только люди не придумают, – вздохнула я.

Неужели этот наш разговор не случайность? Да, я верю в то, что в жизни ничего случайного нет.

– Спасибо тебе большое. – Оля поднялась из-за стола. – Я помою посуду.

Мне оставалось вернуться на диван и открыть ноутбук на той странице, где я остановилась. Перед глазами был текст, который я успела выучить наизусть.

Это случилось в начале сентября 1969 года в поселке Р. Тисульского района Кемеровской области. В ходе взрывных работ на угольном разрезе в сердцевине двадцатиметрового пласта, залегающего на глубине свыше 70 метров, горнорабочий К. (впоследствии погиб на мотоцикле под колесами «КрАЗа») обнаружил двухметровый мраморный ларец. Ларец подняли на поверхность и попытались открыть, сбив окаменевшую замазку по краям. Не столько от ударов, сколько от воздействия солнечного тепла замазка превратилась в прозрачную жидкость. Один любитель острых ощущений даже попробовал ее на язык (через неделю сошел с ума, еще через пять

месяцев замерз у двери собственного дома). Крышка ларца была подогнана идеально точно. Для более прочного соединения внутренний край окаймляла двойная грань, плотно прилегающая к стенкам пятнадцатисантиметровой толщины.

Ларец оказался гробом, до краев наполненным розово-голубой жидкостью. Под гладью раствора обнаружена высокая (около 180 см), стройная женщина. На вид около тридцати лет, черты лица европейские, глаза голубые, широко раскрыты. Локоны густые, темно-русые, с рыжеватым отливом, руки нежные, белые, с короткими, аккуратно постриженными ногтями.

Под текстом фотография этой Тисульской принцессы, как две капли воды похожей на мою пропавшую сестру. Бред, не может быть.

Я перекрестилась.

Александра

Все чаще я ловлю себя на том, что не знаю, как себя вести, что думать о других и как относиться к ним.

Мне всегда казалось, что хороших людей больше, чем плохих, а значит, жить не так уж и страшно. В самую трудную минуту кто-то обязательно должен помочь, в это я верила твердо.

Сейчас, когда я столь многое пережила и чудом не погибла, я смотрю на жизнь совсем по-другому. Никому не верю. А если по инерции и делаю что-то хорошее, бескорыстно кому-нибудь помогаю, в голове все равно сидит эта ядовитая мыслишка: может, этот самый человек, кому я сейчас помогаю, оборотень, и ждать от него можно любой подлости.

Я знаю, когда сломалась и белый свет вокруг превратился в черную беспроектную метель.

До пятидесяти лет я прожила в большом молдавском поселке с мужем-инвалидом и дочерью. Работала продавщицей в магазине, ухаживала за мужем, растила дочку. Тянула на себе дом и огород. Понятное дело, были и куры, и кролики, и поросята. Но я сильная, не жаловалась никогда. Не буду вдаваться в подробности, связанные с болезнью мужа, скажу одно: работать он не мог, зато трепать мне нервы, ревновать, бить, унижать и оскорблять меня – это все получалось у него здорово.

Сама я вроде не красавица, но все при мне. Сильная, выносливая, многое умею. А когда наработаешься, хочется повеселиться, попеть. Всегда мне эти праздники выходили боком. Стоило мне попеть-потанцевать, как муж быстро опускал на землю – ни одного праздника не обошлось без мордобоя. Бил в лицо, жестоко и сильно. Просто так – плати, мол, за веселье.

Мужу не изменяла, хотя могла бы. Но он почему-то считал, что у меня любовников, как смородины на кусте. И лупил всем, что попадется под руку. Когда поняла, что жить так дальше не смогу, что не выдержу и сама как-нибудь прибуду его, предложила Оле, дочке моей, купить дом в каком-нибудь другом месте. Или вообще уехать подальше.

Оля тоже давно стыдилась отца и домашних скандалов. Девочка спокойная, работящая. Обрадовалась, когда я предложила отправиться на заработки в Москву. Многие из нашего поселка уже давно перебрались в Россию. Работали на стройках, шили, чистили, убрали, а заработанное высылали домой.

Потихоньку я продала все ценное, что было в доме, собрала необходимую сумму (тысяча евро!), приготовила багаж. Уволилась из магазина, и в тот же день мы с Олей, никому не сказав, на такси доехали до областного центра, сели на поезд и покатали в Москву.

Конечно, ехали мы не на пустое место. У нас были договоренности, адрес дома, где нас ждали, телефоны знакомых, которые могут помочь устроиться на работу.

В поезде мы познакомилась с двумя женщинами, которые, как оказалось, тоже ехали в столицу на заработки, только не на фабрику, где планировали работать мы с Олей, а в один подмосковный поселок, где недавно закончилось строительство коттеджей и куда стали заселяться семьи. Этим людям требовались домработницы, и, по словам наших новых знакомых, для таких, как мы с Олей, этот поселок обещал стать настоящим Клондайком. Две тысячи евро в месяц – средняя зарплата, какую платят за уборку и готовку на целую семью.

Оля бросала на меня вопрошающие взгляды, мол, как тебе такая работа, идея, возможность. Жить и работать в новом доме, где у тебя, помимо своей комнаты, будет бесплатная еда, да еще получать при этом такие деньжищи – что ж, звучало заманчиво.

Наши попутчицы достали бутерброды и лимонад – пора было перекусить. Мы тоже выложили печеную курицу, вареные яйца, сало, домашнее вино. Долго и с удовольствием ужинали, слушали, что говорят Лариса и Тамара о предстоящей работе. Оказывается, сестра одной из

них уже живет в этом поселке. Очень довольна, вот даже выслала им, бедолагам, деньги на дорогу.

Пожалуй, впервые за долгое время меня отпустило. Я увидела впереди какой-то свет, перспективу. Даже картинку нарисовала в воображении: большой красивый дом, просторная кухня, я стою у плиты и помешиваю в большой кастрюле борщ, а где-то неподалеку на лестнице моя Оля с пылесосом в руках. Конечно, это не мой дом и не мой борщ, нам придется работать на чужих людей, прислуживать им, но все равно это работа, деньги, движение вперед. А еще какая-то защищенность, ведь нашими хозяевами будут люди небедные.

Вот такие у меня тогда были мечты.

Спала я крепко. Проснувшись, первым делом проверила тайник: деньги были на месте, под слоем нижнего белья, в специально пришитом карманчике. Все в порядке. Слава богу, наши новые подруги не какие-нибудь мошенницы.

С вокзала мы поехали на троллейбусе, чтобы потом пересестись на автобус, следующий как раз в нужный нам поселок. Поднялась метель, в окна троллейбуса снег летел с такой силой, как будто его бросал с неба какой-то великан. Я даже представила себе этого великана в заснеженных одеждах – вот он идет по Москве и разбрасывает снег...

На остановке, кроме нас, никого не было. Лариса сказала, что у нее сильно мерзнут ноги. Тамара протянула ей термос с кофе. Предложили и нам с Олей.

Очнувшись, я открыла глаза и не увидела ничего, кроме снега. По обеим сторонам высились уваленные снегом ангары. Ряды гаражей под снежными шапками, цеха, склады. Это была окраина Москвы, промышленная зона.

Оля спала, привалившись к заиндеветой стеклянной стенке той самой остановки. Ее медленно заносило снегом.

Наших новых подруг не было. Не было и нашего багажа. Я сунула руку под свитер, нащупала край блузки, который должен был быть внутри, заправленный под юбку. Конечно, кармашек был пуст, денег не было. Получается, нас усыпили и ограбили? Теперь заснеженный великан представлялся мне с косой. Как смерть.

Оля была жива и крепко спала. От ее губ пахло кофе. С трудом я разбудила ее. Через полчаса, проваливаясь по колено в снег, мы побрели к какому-то складу, в окошке которого горел свет.

Если бы не Матвей, мы могли просто погибнуть. Без денег, еды, вещей, без драгоценных телефонов и адресов, которые остались в сумке, мы были обречены.

Сторож Матвей не побоялся впустить нас. Уложил обеих на диван, придвинул поближе большой масляный радиатор, напоил горячим чаем. Кажется, мы съели весь его обед: банку рассольника, который он разогрел маленьким кипятильником, ватрушки с творогом, печенье. Незамысловатая еда, но нам она тогда показалась пищей богов, волшебным источником силы.

Вдобавок ко всему мы обе сильно простыли. Матвей позвонил жене, попросил привезти лекарства, сироп от кашля, сухие травы. Мы прожили у него в сторожке почти месяц.

Когда Оля поправилась, он познакомил ее со своей сестрой. Та работала поблизости на фабрике, где шили «итальянское» постельное белье и полотенца. Оля сразу ухватилась за эту работу. Теперь она пропадала на фабрике сутками – хотела освоить ровную строчку. У меня работы пока не было, и поэтому ей особенно хотелось хоть что-то начать зарабатывать самой. Думаю, сработал инстинкт самосохранения: она так тяжело болела, что теперь изо всех сил спешила убедить себя в том, что жива.

От перспективы устроиться на ту же фабрику я отказалась сразу. В отличие от Оли, большой любительницы шить, я понятия не имею, с какой стороны подойти к швейной машинке.

Матвей свел меня с Жориком, шустримым мужичком, который присматривал за работающими здесь же, на стройке, гастарбайтерами. Он покупал для них еду, готовил, а по ходу дела приторговывал сигаретами и алкоголем.

Жорик взял меня к себе, поселил на заброшенной даче и передоверил большую часть своих обязательств. Что ж, пришлось браться за стряпню. Сам он кормил работяг в основном покупными котлетами и дошираком, я же накупила на рынке замороженных окорочков и зелени и стала готовить наваристые супы. Теперь обеды с супом, картошкой и теми же окорочками стали напоминать человеческую еду. Наши рабочие в благодарность за то, что я заботилась об их желудках, стали называть меня мамочкой.

Удалось скопить немного денег, и через Матвея я купила старый самогонный аппарат. Жорик, узнав об этом, поначалу чуть меня не прибил и немедленно пригрозил уволить. Я предвидела такой оборот и немедленно предложила ему процент. Поторговались, не без этого, но как только до него дошло, что продавать самогон выгоднее и безопаснее, чем позволять мужикам пить дешевую паленую водку, сам купил сахар.

Дело пошло. Чтобы поило получалось приличнее и дороже, я научилась настаивать самогон на ореховых перегородках, бергамотовом чае, даже домашний джин делала, прогоняя по второму разу самогон с ягодами можжевельника. Мы с Олей приоделись, купили теплые вещи, вернули Матвею все, что он потратил на нас, и стали копить на то, чтобы снять квартиру. Оле платили мало и нерегулярно, да и перспектив на фабрике никаких не было. Жора предложил подрабатывать еще и стиркой одежды для рабочих. Привез откуда-то стиральную машину, старую, конечно, но еще на ходу. Я купила мешок порошка и принялась обстирывать нашу бригаду.

Весной я подала идею подремонтировать нашу дачу. Само собой, у дачи есть хозяин, она не Жорина, а это значит, что в любой момент нас могли оттуда прогнать. Прямые вопросы я старалась не задавать. Моим делом было найти новые виды заработка.

Идею насчет ремонта Жорик назвал блестящей. Мы договорились об объемах работы и оплате, он привез краску и плитку, и я, как могла, освежила наше жилище. К маю я по привычке вырастила рассаду, и летом заброшенный участок превратился в настоящий огород с ровными грядками и даже небольшой теплицей. Я кормила рабочих свежими салатами, зеленью, варила компот из фруктов, которые росли в саду, – яблок, вишни, слив.

По вечерам, умаявшись, я сидела перед маленьким телевизором и на специальной машинке набивала фильтры табаком – научилась еще в Молдавии. Я вообще не могла сидеть без дела и постоянно пыталась заработать. Иногда удавалось сварить варенье и продать, сидя на стульчике на той самой остановке, где мы с Олей чуть не замерзли. В лесу я собирала грибы, сушила их, мариновала и продавала на той же остановке. Так, копейка к копейке, собралась довольно приличная сумма, и я закопала ее в стеклянной банке в саду.

Осенью мы с Олей планировали переехать в Москву и подыскивали работу. Но для начала требовалось получить московскую регистрацию. С этим снова помог Матвей – познакомил с нужным человеком.

Оля снимала комнату с подружкой Катей. Красивая белокурая Катя была у меня частым гостем. Когда девчонки приходили, я кормила их пирогами, давала с собой еду, деньги – словом, помогала, чем могла.

Однажды Катю приметил один из наших рабочих. Молодой парень. Знаю, кто он и откуда, все о нем знаю. Может, влюбился, может, просто не сдержался. Да если бы он еще был один.

Я как раз возвращалась с рынка, где мы с Жориком покупали муку и сахар. Он посадил меня у дачи, мы договорились, чем будем заниматься завтра, и он отчалил.

Странные звуки доносились из сарая, где я хранила дрова. Эти звуки вызвали смутную панику. В сарае были люди, и они творили что-то нехорошее.

Их было двое. Тот парень и его брат. Изголодавшиеся по женщине мужчины потеряли человеческий облик. Они не только изнасиловали Катю, непонятным образом оказавшуюся в этом сарае, но еще жестоко избили, вымещая на ней, как я поняла потом, все унижения, кото-

рые испытали. Ей, этой хрупкой девочке, они решили отомстить за тяжелый труд и неустроенный быт. Одно слово – озверели.

Не помня себя, я схватила первое, что попало под руку, какую-то палку. Набросилась на этих нелюдей и била, била их по головам, только сопли летели во все стороны. Оба брата, отвратительные в своей распаренной наготы, покрытые густой шерстью, как животные, выбежали из сарая, пытаясь поймать упавшие штаны...

Катя дышала. Лицо ее было в крови, один глаз заплыл. Бедро в крови.

Я позвонила Матвею, дрожащим голосом рассказала обо всем. Объяснила, что к себе вызвать «Скорую» не могу, я живу нелегально, а сюда может нагрянуть полиция.

Матвей примчался на своем старом «Фольксвагене». Мы перенесли Катю в машину, укутали одеялом, и он повез ее в больницу. Он москвич, скажет, что нашел ее на обочине дороги, и все. Это со мной начались бы расспросы, кто я такая и где живу, а с Матвеем проблем не будет. Мы договорились, что для того, чтобы насильников наказали, он скажет, что лично видел обоих братьев, когда они несли Катю в сторону трассы. Я спросила, не боится ли он их, ведь если он официально выступит в роли свидетеля, они могут с ним расправиться. На это Матвей невозмутимо ответил, что уже сегодня эти братья наверняка сбегут. Такие твари не станут сидеть и ждать, когда за ними придут. Катя-то жива, может и сама обо всем рассказать.

– А ты, Александра, должна уехать. Катя объяснит, где все случилось, и тогда встречи с полицией тебе не избежать. Собирайся и двигай в Москву. Деньги есть или тебе дать?

Золотой человек.

Я сказала, что так и сделаю. Он уехал, а я вернулась домой. По дороге позвонила Оле, рассказала все как есть, попросила никому пока ничего не говорить. Еще я попросила ее не приезжать ко мне, здесь скоро будет полиция, и идти ночевать в сторожку к Матвею, а не на квартиру, где они с Катей снимали комнату, потому что и там без полиции не обойдется. В Оле я была уверена. Она все сделает правильно, ведь она, как и я, жила в постоянном страхе перед полицией. Это при том, что у нас была регистрация, но кто знает, не липовая ли?

Страх, о котором я буду помнить всегда и о котором не устану твердить, вьелся в кожу, мешал жить, дышать, строить планы. Меня не оставляло чувство, что мы с Олей здесь временно, что мы в любую минуту можем погибнуть. Слишком много горя и несчастий вокруг. И эти мужики, озверелые, потерявшие человеческий облик, они ведь тоже стали такими из-за невыносимых условий здешнего существования – и это при том, что я старалась как-то облегчить им жизнь. Кормила их, обстирывала, иногда лечила, давала какие-то лекарства. Говорю же, я знала этих парней. Не возьму в толк, как они могли сотворить такое у меня под носом?

Обо всем этом я размышляла, судорожно складывая вещи и одновременно стряпая обед. Как бы там ни было, тридцать пять человек должны прийти через полтора часа, и мысль, что они останутся голодными, не давала сосредоточиться на сборах. Меня всю трясло, я понимала, что надо уходить, убегать, но как же я могу сбежать?

Здесь, в этом маленьком доме, я провела больше года, успела кое-чем обзавестись. Бросить все сейчас я просто не имела права. Я заталкивала в сумки куртки и кофты, сапоги и кроссовки, свои и Олины, заворачивала в фольгу продукты, которые были в холодильнике: неизвестно, что нас ждет и где мы будем жить. А на плите в кастрюлях кипели гречневая каша, гуляш, гороховый суп и кисель.

Багаж я вынесла из дома и спрятала в кустах. Потом взяла лопату и принялась выкапывать свою кубышку.

Я успела вынуть деньги из банки и спрятать их за пазуху, под футболкой, когда услышала шаги. Ко мне бежал человек. Это был он, тот самый, кто насиловал Катю. Он был пьян, в глазах светилось безумие.

Стоило мне увидеть его, как я сразу поняла, что он пришел, чтобы меня убить. Ведь я все видела собственными глазами. Я была свидетелем преступления, за которое его могут посадить. Страх перед возмездием, которого ему не избежать, если я останусь жива, пригнал его сюда. Думаю, выпил он тоже для храбрости.

Он набросился на меня и стал душить. Сильные пальцы впились мне в горло. Но я не могла позволить себя убить: у меня была дочь, и не для того я вкалывала здесь, чтобы какой-то насильник вот так взял меня и удушил. Мне удалось сбросить его с себя, я схватила его за руку и вонзилась в нее зубами. Парень взвыл.

Потом я просто била его, лежащего на спине, кулаками по лицу. Помню, что особенно хотела попасть по носу, из которого хлестала кровь. Дальше в моей руке откуда-то взялся камень.

Не помню, как бежала с тяжелыми сумками к трассе – через лес, чтобы меня никто не видел. Был момент, когда я выбилась из сил и спряталась за ели немного передохнуть. Все это время я почему-то думала не о том, что только что убила человека, а о не включенном газе под кастрюлями.

Мои рабочие уже должны были вернуться. Жора с ними, значит, он все выключит и накормит их. Того, что лежал в крови под кустами, они заметить не должны. Неизвестно, сколько пройдет времени, прежде чем его найдут.

Выключить телефон я пока не могла: мы должны были держать связь с Олей.

Я снова позвонила Матвею. Попросила помочь найти временное жилье, хотя бы на сутки. Он продиктовал адрес, я вызвала такси, позвонила Оле, сообщила, куда еду, сказала, что мне нужно избавиться от сим-карты, по которой меня можно вычислить, и отключила телефон. Сим-карту я выбросила в лесу, а сама выбралась на трассу, дождалась такси и поехала в Крылатское.

Отдавала ли я себе отчет, что своим звонком подставляю Матвея? Конечно. Я убийца, если меня будут искать, все мои звонки вычислят обязательно. Как-никак я все вечера смотрела сериалы и кое-что понимала в этих делах.

И все-таки я надеялась, что все обойдется. Хотя бы потому, что камень, которым я убила зверя, я прихватила с собой.

Валентина

Я не верила в эту байку, тем более что ее успели растиражировать по всему интернету и подавали то под одним, то под другим соусом.

Да и наткнулась я на нее совершенно случайно – хотелось узнать что-нибудь новое о перевале Дятлова. Провалилась в интернет и просто открывала сайт за сайтом в поисках подробностей странной гибели студентов-туристов.

Конечно, я обыкновенный человек, отношения к этим событиям не имею, но почему-то хочется узнать, что с ними случилось. Думаю, дело в тайне, которая окутывает эту историю. Как вышло, что все они оказались далеко от палатки, да еще раздетые? Холод страшный, они спали в палатке с печкой. Ладно, пускай раздеты именно поэтому – в палатке было тепло, даже жарко. Но дальше случилось что-то ужасное. Причем это произошло мгновенно, они не успели даже одеться.

А почему они вспороли ножом палатку изнутри, почему не воспользовались выходом? Что там было – шнуровка или молния, не знаю, об этом нигде не было сказано. Итак, они выбрались раздетые на мороз и что-то увидели. Но кто же разбросал их тела по кругу с радиусом в несколько километров? И почему у всех был такой вид, как будто им явилось что-то невероятное? Они словно мгновенно застыли в таких позах. Понятно, что если бы они умирали от холода, то скрючились бы, поджали колени, обняли себя руками. Их позы говорили о другом: они погибли мгновенно.

Эта тема занимает меня давно. Я пересмотрела множество фильмов о перевале Дятлова, перечитала беседы с немногими оставшимися в живых свидетелями. Постепенно, конечно, картина стала вырисовываться. Но верить в то, что группа Дятлова случайно попала в район, где проводились какие-то секретные испытания, не хотелось. Воображение требовало инопланетного корабля и самих инопланетян.

Именно так, гуляя по ссылкам гугла, я наткнулась на фотографию Тисульской принцессы. Я увеличила ее и была потрясена сходством с моей Аней. Наверняка я забыла бы об этом, если бы Аня не пропала из поля моего зрения. Но ее не было. Пришлось даже найти телефон наших питерских соседей, Трапезниковых, и спросить, не видели ли они Аню. Надо же, по словам соседки, Аня с мужем уехали, и давно.

С мужем. Очередной приятель или на самом деле муж? Я вспомнила, что незадолго до того, как исчезнуть, Аня прислала мне на телефон снимок, где она была на фоне витрины. Прямо за ее спиной стоял молодой мужчина. Он был так красив, что я приняла его за деталь оформления этой самой витрины. Растрепанные ветром смоляные волосы, мужественный профиль, легкий загар, впалые щеки. Голубая рубашка, синие джинсы, сигарета.

Муж?

В Питер ехать бессмысленно, ее там нет. Если бы она жила в нашей квартире, соседка видела бы ее. Тогда где же она? Да где угодно. Но надо знать мою сестру.

Я открыла карту и стала искать деревню Р. Тисульского района Кемеровской области. Что-то подсказывало мне, что моя сестра там, живая или мертвая. Иначе как могло случиться, что она оказалась в древнем мраморном саркофаге?

В том, что это она, я уже почти не сомневалась. Как я ни увеличивала снимки, повсюду я видела свою сестру. Она лежала под водой, лицо было видно отлично. И закрытые глаза – ее глаза.

Кто их закрыл, я должна была выяснить. Аня была мертва. Смерть – единственная причина, по которой она перестала заботиться обо мне, присылать открытки и деньги.

Аня – человек сильный, выносливый, волевой. Если она исчезла, значит, ее нет, как ни трудно мне в это поверить. И кто, если не я, единственный близкий ей человек, должна во всем разобратся. Даже отомстить, если нужно.

Может, я и сомневалась бы, стоит ли ехать в Кемерово, если бы не Олин рассказ об этой Тисульской принцессе. Это ли не знак? Как вообще могло случиться, что малознакомый человек, оказавшийся рядом со мной, затеял этот разговор о принцессе? Помню, она начала с какой-то женщины, которую закопали живьем, не подозревая, что та заснула летаргическим сном. И вдруг – деревня Р. и слово «саркофаг», которое прострелило мне сердце. Точно, это был знак, что я мыслю в правильном направлении.

Но одно дело мыслить, а другое – действовать. Для такой дальней и, скорее всего, опасной поездки нужны деньги, и немалые. Где их взять? Попросить у шефа, Миши Пелькина? Он, конечно, добрый, но не настолько, чтобы дать официантке взаймы две тысячи евро – приблизительно столько, по моим скромным подсчетам, потребует это путешествие. Кредит? Я никогда не брала кредит и вообще боялась этого слова, вернее, этой печальной зависимости от банка. Но даже если мне удастся его взять, как я буду потом расплачиваться с банком? Мне нужно платить за квартиру и как-то жить, вряд ли получится каждый месяц выкраивать деньги на погашение долга.

Думаю, отчаяние было написано на моем лице, иначе с чего бы Оле, вернувшейся с работы на час позже меня, спрашивать с порога:

– Что случилось?

Я пожалала печами и хотела отмолчаться, но Оля не позволила.

– На работе что-нибудь? Снова маньяк?

Прошло всего три дня, как мы переехали на Цветной бульвар. Каждый раз, когда звонил колокольчик, извещавший о приходе нового гостя, я резко оборачивалась, чтобы взглянуть, не маньяк ли пожаловал.

К счастью, я больше не видела его никогда. Уехал? Или просто переключился на какую-нибудь другую жертву, на женщину, виновную только в том, что тоже отказала ему? Мы, женщины, никогда не поймем мужчин хотя бы потому, что природа избавила нас от этой болезненной зависимости от противоположного пола.

Но странное дело: я не переставала ненавидеть этого своего врага за то, что он изрядно потрепал мне нервы, а с другой стороны, была ему даже благодарна. Ведь это он причастен к тому, что я оказалась в прекрасной квартире в центре Москвы, да еще познакомилась с Олей. Не будь я тогда в таком страхе, мне, может, и в голову бы не пришло впускать в свою жизнь кого бы то ни было.

Да, я всегда ценила одиночество и спокойствие, но теперь, когда у меня была Оля, оказалось, что иметь подругу очень даже приятно. Конечно, многое зависит от характера того, кто живет рядом с тобой. Так вот, с Олей мне повезло. Она была душевным человеком, рядом с которым я почувствовала себя намного более защищенной.

События этого дня лишний раз подтвердили это. Сама не знаю, как вышло, что я рассказала ей о сестре и собственных нехороших предчувствиях. Добавила еще, что, если она действительно погибла, виноват, скорее всего, этот муж, который втравил ее в какую-то авантюру. Муж, с которым я не знакома, но жажду познакомиться, чтобы призвать к ответу и отомстить.

Еще я сказала, что собираюсь занять у кого-нибудь денег на дорогу. Оля задумалась. В душе я улыбнулась. Откуда у этой девчонки, строчащей полотенца и простыни за копейки, знакомые с деньгами? Будь у нее серьезные покровители или друзья, она не работала бы за гроши. Но эта ее готовность помочь по-настоящему согревала.

Была у меня одна мысль, которую я гнала, – попросить денег у Людмилы Николаевны, нашей квартирной хозяйки. Пару раз я даже порывалась ее набрать, но в последний момент передумывала.

– Я подумаю, где можно раздобыть денег, – сказала Оля и потерла указательным пальцем кончик носа.

– Думаю, касса твоей фабрики вполне подойдет, – уныло пошутила я. – Возьмем?

Это была шутка в духе моей сестрицы, и сейчас я почувствовала, как мое сердце сжалось. Дурацкое выражение, согласна, но что-то с моим сердцем точно сделалось – я почувствовала щемящее движение в груди, и к горлу подкатил комок. Что-то действительно застряло в горле, мягкое и жгучее, слово одна большая разбухшая теплая слеза. Что это, если не боль потери, в которую мне так не хотелось верить!

Мне всегда казалось, что сестра будет жить долго, может быть, потому, что Аня и болезнь были понятиями несовместимыми. Она всегда была здоровой, бодрой, полной сил, с сияющей улыбкой. Да она вечная! Как она могла оказаться в этом гробу? И не просто в гробу, а в саркофаге, которому много миллионов лет? Попахивало авантюрой, и в этом была вся Аня. Только неживая.

– Говоришь, это твоя родная сестра?

Мы с Олей пили чай на кухне, и настроение у обеих было такое, как будто прямо здесь, за стенкой, стоял гроб.

– Да. Мы с ней одни на всем белом свете.

Ничего нового. О нашей неблагополучной семье и матери-алкоголичке я уже успела рассказать раньше, когда мне так хотелось выговориться, поделиться страхами и переживаниями.

– Надо действовать, искать какие-то пути. Занимать, попытаться взять в кредит!

– Кредит-то мне дадут, но вернуть его вовремя у меня точно не получится, – возразила я. – И, знаешь, не хотелось бы жить в страхе перед коллекторами, какими-то ужасными мужиками, которые станут преследовать меня, угрожать, а то и бить.

– Я спрошу у мамы, – вырвалось у Оли.

До меня вдруг дошло, что я практически ничего не знаю о ее матери. Я только заметила, что в первый раз она назвала ее «матерью», которая убьет, если узнает об аборте, а сейчас – мягким «мама».

– Она здесь, в Москве? – спросила я осторожно. Наверняка это сложные отношения, и тема может быть для Оли болезненной.

– Да, здесь. Ухаживает за одной пожилой парализованной женщиной.

Понятно, в плане денег здесь точно нет никаких перспектив.

– Не морочь ей голову моими проблемами, – попросила я. – Твоей матери и так придется несладко. Могу себе представить, как тяжело ухаживать за больной. Не думаю, что она когда-нибудь мечтала о такой работе.

Как-то сразу нарисовалась мрачная картина: пожилая дама в инвалидном кресле, а за ее спиной болезненного вида женщина с потухшим взглядом. Такой я вообразила Олину мать.

– Она давно здесь живет, у нее есть кое-какие связи. Ладно, посмотрим.

Остаток вечера мы с Олей провели за моим ноутбуком и пытались выудить из интернета все о Тисульской принцессе. Я показала Оле Анины фотографии, чтобы она сама удостоверилась, что женщина в гробу не может быть не кем иным, как только моей сестрой.

– Фантастика! Но что, если это все-таки не твоя сестра, а призрак из прошлого?

Я не знала, что ответить на это восторженной фантазерке, верящей в инопланетян и потусторонние силы. Чтобы понять, что я чувствовала, нужно просто иметь сестру или кого-то из близких и неожиданно увидеть ее или его на фото в интернете, иначе никак. Но я до того была занята собой, что добавила, не подумав:

– Ты представь себе, что видишь сейчас не мою сестру, а свою маму. Разве ты могла бы ее не узнать?

Она нахмурилась, потом представила себе эту страшную картину и кивнула.

– Ты права, надо действовать. Вот и еще один день прошел, а мы с тобой так ничего и не придумали. Но по телефону говорить о деньгах как-то неудобно, согласись. Надо съездить к маме и поговорить.

Неудобно было отпускать ее на ночь глядя, тем более что я не знала, где ее мать живет. Но упустить такой шанс тоже не хотелось. Вдруг ее мать действительно поможет найти деньги? Единственное, что я могла сделать сейчас, это предложить Оле денег на такси, но она резко отказалась. Сказала, что такси оплатит ее мать, что она неплохо зарабатывает и всегда, когда представляется случай, помогает ей деньгами. Я поняла, что настаивать нет смысла, и отступила.

Краем уха я слышала их короткий и вполне дружелюбный разговор по телефону. Потом Оля уехала. Сейчас мне хотелось только одного – закрыть глаза и во всех подробностях представить себе поездку в Кемерово.

Ольга

– Я чувствую себя полной дурой! Ты же знаешь, я не умею врать. Удивительно, что она меня до сих пор не раскусила. Знала бы ты, как я подбиралась к этой теме. Тисульская принцесса! Чушь какая-то. Кто-то придумал эту байку, выложил в Сеть – и понеслась душа в рай. Пришлось начать с какой-то детской истории с летаргическим сном – только на ее фоне эта принцесса и могла показаться чем-то осмысленным.

– Но она же клюнула. Больше того, засобиралась туда.

– А что, если она проверяет меня и давно уже поняла, что я ее просто вожу за нос?

– И в чем заключается этот обман?

Она молчала, моя мама. Мы сидели в ее комнатке за кухней. Квартира, где она работала, была огромной, по плану здесь имелась комната для прислуги. Вряд ли хозяева готовы были предположить, что в ней так скоро поселится сиделка. Мама кормила меня теплыми оладьями со сметаной. Почему-то всегда считала, что я голодная, и старалась меня накормить.

– Лучше расскажи, зачем я все это делаю, – допытывалась я.

– Я же уже сказала: придет время, и все узнаешь.

С тех пор как она стала работать в этом доме, она успокоилась, даже поправилась. Я знала, что пока мне не о чем беспокоиться. Мама живет в комфорте, сыта, при деньгах. После всего пережитого эта ее работа казалась спасением. Но знала я и то, что мама до сих пор живет в страхе и что шарахается всякий раз, когда видит полицейского. Она думает, что ее ищут. Понятно, она же убила человека. Нет, не совсем человека – насильника. Честно? Я до сих пор не понимаю, как могло случиться, что он набросился на Катю и изнасиловал ее.

Катя. Когда я думаю о ней, мне становится не по себе. Вся моя жизнь рядом с ней кажется чем-то нереальным, страшной фантазией или дурным сном. В тот день она хотела встретиться с моей мамой, чтобы поговорить о небольшом «бизнесе» – Катя украла на фабрике десять полотенец и хотела их продать. Были и другие украденные вещи: простыни, наволочки, покрывала. Она решила, что лучше всего поговорить о реализации всего этого добра с матерью, женщиной практичной, умной и со связями. Я сразу попросила, чтобы меня в это не впутывали, я-то ничего не украла, характер не тот, и спать хочу спокойно. Вот она и решила действовать самостоятельно – встретиться с моей матерью и предложить ей товар.

Мы все тяжело жили, мало зарабатывали и не видели впереди никакой перспективы, разве что замужество. Но чтобы выйти замуж, нужно хорошо выглядеть, а для этого тоже нужны деньги. Вот Катя и придумала способ дополнительно заработать.

Вероятно, этот (назову его Иваном) тоже зачем-то отправился к моей матери. Может, хотел купить выпивку и сигарет. И надо же было им всем встретиться, Кате и этим изголодавшимся мужикам! Инстинкты взяли верх, и они набросились на нее.

К счастью, она осталась жива, но до сих пор остается в реабилитационном центре. Время от времени мы с мамой ее навещаем. Само собой, она не знает, что мама убила этого Ивана. Хочется думать, что рано или поздно эти душевные раны затянутся и она вернется к нормальной жизни – мы с мамой поможем. Но как моей маме жить с убийством на сердце? Она ничего об этом не говорит, но я уверена, что спит она плохо, а когда засыпает, видит во сне этого мертвого Ивана. Брр.

Я доела оладьи, откинулась на спинку кресла и вздохнула. За окном была ночь, надо было возвращаться домой, к Вале, и не с пустыми руками, а с деньгами или хотя бы с хорошими новостями.

– Мама, но она хочет две тысячи евро! Это большие деньги, она вряд ли их вернет, поэтому и не хочет брать кредит. Что ты задумала?

– Мы должны вложиться в эту девочку. Две тысячи евро – не такая уж большая сумма. Главное – приручить ее к себе. Пусть пока ест с твоей руки, а потом... Потом ты сама скажешь мне спасибо за все. Только запомни: не вздумай с ней конфликтовать. Терпи все, даже если у нее ужасный характер. Постарайся выучить ее привычки, узнай, что она любит или терпеть не может. Будь гибкой, умной, милой и доброй.

– Хватит уже инструкций! – взорвалась я. – Все это я уже слышала. Если я не буду знать, зачем все это, то как я пойму, каким образом с ней общаться? А что, если она мошенница и сама пытается обмануть меня? Давит на жалость, выдумывает какую-то ерунду о сестре в мраморном гробу. Вот откуда она взяла, что эта девица – ее сестра? Может, просто похожа. И с чего бы ей быть в этой тьмутаракани? Даже подсчитала, сколько денег нужно на дорогу. Две тысячи евро – не многовато ли?

– Не думаю, что она пытается тебя разжалобить. Она не такая.

– А ты-то ее откуда знаешь?

По взгляду, которым мама меня смерила, я поняла, что об этом она ни слова не скажет, нечего и надеяться.

– Ладно. – Я махнула рукой. – Говори, что теперь делать. Собираешься дать ей эти деньги?

– Само собой, – сказала мама таким тоном, словно вся сумма лежала у нее в кармане.

– Не поняла.

– Займу у хозяев, – как-то туманно произнесла она.

– И тебе дадут? Одолжат?

– А куда денутся? Они без меня как без рук.

О ее хозяевах я не знала ничего, а когда однажды попыталась расспросить, мама ясно дала понять, что меня это не касается. Да, моя мать умеет не болтать лишнего. Но, кажется, она права: отношение к ней в этом доме было таким, что, попроси она и большую сумму, ей не откажут.

– Постой, – вдруг очнулась я. – А если Валя не вернет эти деньги – а она точно их не вернет, я знаю, – как ты будешь выкручиваться?

– Буду выплачивать по частям. – Она невозмутимо пожала плечами.

Теперь я поняла. Никаких денег она занимать не будет, они у нее есть. Она просто их скопила. Конечно, на что ей тратить? Она живет на всем готовом, ничего себе не покупает, разве что мне денежек подкидывает.

Не мне ее осуждать. Окажись я на ее месте, в чужом жестоком городе, какой для нас стала Москва, я тоже бы осторожничала. Все это не потому, что она не доверяет мне, вовсе нет. Просто она боится, что я проговорюсь, выдам Валентине, на которую мы собирались поставить, как на лошадку, наши корыстные планы.

А планы точно были корыстными. Ясно, что все крутилось вокруг денег. А может, она все-таки была нашей родственницей? Вдруг действительно сестра?

– А если я пойму, что она мошенница? Или мы поссоримся – что будет тогда?

– Тогда я решу, что ты все испортила. Что ты глупая и бестолковая, – как-то совсем уж отчаянно ответила мама. – Из-за чего вы можете поссориться? Человек она мягкий, покладистый.

Снова она намекает, что они знакомы. А спросить ни о чем нельзя.

– Она раздражает меня тем, что ей все просто падает в руку.

– Что именно? – Мама задержала на мне взгляд – как человек, который боится услышать то, что может его разочаровать.

– Ей всегда везет! – сказала я первое, что пришло в голову.

Мама усмехнулась уголком рта, покачала головой и тихонько вздохнула – с облегчением, как мне показалось.

– Да! Сначала ей повезло, что она родилась красивой и здоровой. Потом – что устроилась в кондитерскую, откуда приносит пирожные, о которых некоторые и мечтать не могут.

– Ты суший ребенок! – рассмеялась мама.

– Ей повезло со знакомой, которая поселила ее в свою квартиру.

– Но ведь и ты там живешь, значит, тебе тоже везет. – Маме пришлось даже прикрыть рот рукой, чтобы приглушить смех.

– А еще у нее всегда есть деньги. Пусть не так уж много, зато каждый день. Она может позволить себе купить все, что захочет, – любые духи, косметику, еду. Ты бы видела, какие у нее духи! Целая коллекция. Еще она покупает краски и дорогую бумагу для акварели. Она же еще и рисует...

– Так откуда у нее деньги?

– Чаевые. Говорю же: ей везет.

– Она раздражает тебя? Тебе трудно с ней?

Мне показалось или мама действительно бросила на меня сочувственный взгляд?

– Она мне нравится, она хорошая. Просто меня злит, что ты ее откуда-то знаешь и не хочешь ничего рассказать. Зачем ты нас познакомила? Что тебе от нее нужно?

– Значит так, Оля. Возвращайся к ней и скажи, что я, твоя мама, позвонила какому-то своему знакомому и мне обещали уже завтра дать деньги. Без процентов, на два месяца. А если на полгода, то под небольшие проценты – пусть будет десять. Она согласится, вцепится в этот заем. Первые несколько минут будет колебаться, прикидывая, сможет ли вернуть долг. И вот тогда-то ты и скажешь, что у тебя во Владимирской области есть небольшой дом, который ты готова заложить. Дом в деревне, мы потом придумаем название. Здесь мы немного потянем, чтобы вся эта история с займом выглядела более естественной, понимаешь? На это уйдет дня два, не больше. Я подготовлю все документы, которые надо будет подписать.

– Документы будут фальшивыми, да? А что, если она поймет?

– Олечка, дочка, ей незачем будет их читать. Они будут касаться только тебя, ведь это ты закладываешь свой дом. Ты совершаешь подвиг, подвергаешь себя риску остаться без дома в случае, если она не выплатит долг. Тем самым ты привяжешь ее к себе еще больше.

– А что, если она возьмет деньги и исчезнет?

– Думаю, сразу же после того, как ты подпишешь документы и передашь ей деньги, она сама... Впрочем, не будем торопить события. Все, хватит об этом. Подожди, я дам тебе кое-что.

Мама встала, подошла к шкафу и достала пакет, который явно дожидался меня.

– Держи. Здесь продукты, свитер, который я все-таки закончила, еще кое-что по мелочи. Тебе понравится. И вот. – Она сунула мне в руку несколько пятитысячных банкнот. – Сейчас я вызову тебе такси. Ты все поняла, Оля?

– Поняла.

Я клюнула мать в щеку и попутно отметила, что от нее хорошо пахнет. Да и вообще она в последнее время выглядела очень даже ничего – привела себя в порядок, приделалась. И утомленной я ее не назвала бы. Получается, что, ухаживая за больной, она тратила куда меньше сил, чем в том жутком месте, где ей приходилось обстирывать и кормить строителей, варить самогон, набивать табаком сигареты, выращивать овощи, клеить обои и красить стены. Да, и зарабатывать всем этим намного меньше, чем сейчас.

– Не сердись, все будет хорошо. – Она подбодрила меня улыбкой, и я улыбнулась в ответ.

Уже в такси, мчась по широким пустынным проспектам, я подумала, что была несправедлива по отношению к Вале, когда сказала, будто новая подруга меня раздражает. Просто я хотела выудить из матери хоть какие-то сведения.

Кто спорит, Валентине везло, и бог действительно одарил ее талантами. Но она была одна, совсем одна, и неизвестно, что на самом деле стало с ее единственной сестрой. А у меня была мама, и этим все сказано. Получается, это мне повезло больше, а значит, мне, а не Вален-

тине следует благодарить судьбу. Благодарить еще и за то, что теперь у меня помимо мамы была и сама Валентина, которая заботилась обо мне. Она-то действительно заботится обо мне искренне, в отличие от меня.

Не знаю, зачем я сказала о чаевых, просто брякнула первое, что пришло в голову. На самом деле меня волновали вовсе не ее чаевые, а сама Валентина. С каждым днем она раскрывалась передо мной все полнее и все равно оставалась загадкой. Конечно, она была красивой, но еще обладала каким-то особым магнетизмом, энергией, которая подпитывала всех, кто оказывался рядом. Это мне повезло, что я очутилась так близко к ней. Не будь это знакомство и все, что стояло за ним, постановкой, я была бы счастлива иметь такую подругу, как Валя. Тогда мое желание помочь ей было бы даже еще сильнее.

Ночная Москва сияла огнями и уже не казалась мне такой зловещей, готовой проглотить меня, уничтожить. Она словно распахнула свои объятия и приняла меня под крыло. С таким ощущением я возвращалась тогда домой. Именно домой, и то, что квартиру на Цветном бульваре я уже считала домом, было заслугой Валентины. Это она наполнила все вокруг спокойствием и уютом.

Она не спала, когда я открыла дверь. Читала, слушала какую-то странную музыку. Музыка была красивой, спокойной, хоть и грустной.

– Гитара? – Я села рядом с ней на диван и поежилась от холода. Думаю, это был нервный озноб, потому что июльская ночь была очень теплой.

– Лютня. – Она улыбнулась одними губами и отложила книгу. – Как мама? Здорова?

– Да, все в порядке.

Дальше я выложила все, что касалось денег.

– Без процентов? Неужели еще существуют такие люди?

– Это какой-то ее хороший знакомый. – Я старалась не смотреть ей в глаза: стыдно было за свое вранье.

– Знаешь, это судьба. – Она очнулась, расправила плечи, потянулась всем телом. – Раньше, ты помнишь, я боялась, что не смогу вовремя отдать долг, но теперь я так не думаю. Знаешь почему?

Теперь была моя очередь улыбаться. Итак, она готова действовать, готова принять деньги. Глаза ее заблестели, на щеках появился румянец.

– Почему?

– Если все правильно распланировать и кое в чем себе отказывать, то заработанного в кафе мне вполне хватит и на погашение долга, и на жизнь. И потом, если моя сестра все-таки жива, а я собираюсь в эту тьмутаракань, чтобы найти ее живой, а не для того, чтобы отомстить за ее смерть, в которую не хочу верить... Так вот, если она жива, она мне поможет. У нее всегда водились деньги, она умеет их зарабатывать. В крайнем случае можно будет договориться с этим человеком, знакомым твоей мамы, и попросить продлить срок, чтобы ежемесячный взнос был не таким уж большим. – Она заглянула мне в глаза. – Ты хотя бы понимаешь, как много ты для меня делаешь? Ни один человек на свете, кроме сестры, конечно, не дал бы мне такую гигантскую сумму. Выходит, ты полностью мне доверяешь.

– Конечно. – Я почувствовала, что у меня начинают гореть уши.

– Но и ты знай: вдруг я когда-нибудь разбогатею, стану, скажем, известной писательницей или художницей, я тоже не оставлю тебя. Можешь всегда на меня рассчитывать.

Блеснула мысль: что, если моей матери известно что-нибудь о талантах Валентины? К примеру, она написала картину, продала ее по дешевке какому-нибудь иностранцу, а потом выяснилось, что это настоящее произведение искусства, что ее, гениальную художницу, теперь ищут, как какую-нибудь драгоценность? Или написала роман, который где-нибудь в Европе разошелся бешеным тиражом?

Слова «если я когда-нибудь разбогатею, стану известной писательницей или художницей» прозвучали сейчас как доказательство окончательного доверия, как призыв к сближению.

– Ты уже что-нибудь публиковала? – спросила я хриплым от волнения голосом.

– Конечно. Писала какие-то статьи для журналов, рассказы, правда, получала за это сущие копейки. Но я умею писать, у меня получается, мне бы только найти интересную тему. Вот поедem в эту деревню Р. Тисульского района, посмотримся, постараемся найти свидетелей. Может, придумаем что-нибудь от себя, напустим туману...

Я ушам своим не поверила. «Поедем», а не «поеду» – я не ослышалась? Это прозвучало как приглашение? Нет, она произнесла это так, как если бы была в самом деле уверена, что в далекое путешествие мы отправляемся вдвоем. Ах, если бы это было так.

– Ты хочешь, чтобы я поехала с тобой? – Я даже зажмурилась, так легче будет услышать, что я все неправильно поняла.

– А ты не хочешь? – растерянно пробормотала она и прикусила губу. – Не можешь? Прости, мне даже и в голову не пришло, что ты можешь отказаться.

– Я – не хочу? Да что ты! Конечно, хочу. Просто я не была уверена, что ты позовешь меня с собой.

– Ты даешь, подруга! А иначе зачем столько денег? Конечно, хотела и хочу, чтобы мы поехали вместе. Это интересно, и потом, признаюсь честно, страшновато как-то одной. Но если не можешь, скажи. Я-то все равно поеду. Только тогда и денег понадобится меньше.

В эту минуту я была счастлива. Получалось, что эта поездка не только укрепляла нашу дружбу, о чем так мечтала мама, но и обещала стать настоящим приключением. Что я, в самом деле, видела, кроме тирана-отца, огорода и душной фабрики? Впервые в жизни я отправлялась в настоящее путешествие, да еще вместе со своим кумиром.

– Конечно, я поеду с тобой! Возьму отпуск за свой счет на фабрике, и поедem.

– Уф, прямо гора с плеч. Значит, решено. Теперь все зависит только от того человека, который обещал одолжить деньги. Хоть бы все получилось!

Она сжала кулачки и закружилась по комнате. От радости я и сама готова была воспарить к потолку.

Валентина

В ту ночь я долго не могла уснуть. Мечтала, как мы поедем в Кемерово. Выяснила, сколько стоят билеты на поезд – плацкарт около восьми тысяч, купе – почти двенадцать. Поскольку я понятия не имела, что нас ждет в этом далеком крае, как все сложится, сколько времени мы там пробудем, где будем жить и как искать Аню, следовало экономить. Словом, я решила, что нужно покупать билет в плацкартный вагон.

Ехать нам предстояло два дня и шесть часов, значит, надо взять еду в дорогу. Это даже не из-за экономии, просто я не доверяю ресторанам с сомнительными продуктами. Но что можно взять в такую жару? Все протухнет, пропадет. Разве что какие-нибудь каши быстрого приготовления: залил кипятком – и готово.

Я даже попыталась узнать что-нибудь о Кемерове и Тисульском районе, но после нескольких строк («занимает ведущее место среди золотосодержащих районов области, на его долю приходится 56 % разведанных запасов золота, 80 % серебра, 87 % редкоземельных металлов платиновой группы, 99 % металлов титаноциркониевой группы») меня потянуло в сон.

Надо же, приснился какой-то золотоносный рудник, глубокий и темный, полный фантастических существ. В глубине на цепях раскачивался хрустальный гроб, а в гробу сидела моя сестрица в футболке и джинсах и курила папиросу. «Какого черта ты здесь делаешь?» – спросила она и выпустила дым через ноздри.

С деньгами, конечно, получилось не так просто. Дружба дружбой, а тот крендель, что пообещал дать в долг, очнулся и потребовал от Олиной матери каких-то гарантий. Выяснилось, что гарантий никаких и нет – в том смысле, что нет ничего ценного, что можно было бы заложить под этот кредит.

Оля тоже расстроилась. Видно было, как она переживает. И надо же, вдруг признается, что во Владимирской области у нее есть небольшой дом. Какое-то наследство, доставшееся ей, как я потом узнала, от ее настоящего отца. Я, конечно, старалась не задавать лишних вопросов. Подумаешь, мать вышла замуж, будучи беременной от другого, такое случается сплошь и рядом. Может, ее отец потому и стал тираном, что знал тайну ее рождения и никак не мог успокоиться и мстил жене.

Меня, человека постороннего, эта семейная история не касалась. Да и в какой семье нет тайн. Если Оле был известен хоть один эпизод из биографии моей сестры, вряд ли она связалась бы со мной.

Моя сестра – личность неординарная, фантастическая, в какой-то степени опасная. Окажись Аня сейчас на моем месте, она взяла бы денежки, и только ее и видели. И уж точно она не стала бы покупать билет в плацкарт. Она раздобыла бы денег любыми путями, какие мне и не снились, и купила бы билет в купе люкс. У нее всегда и все должно быть люкс. Вот только как она умудрилась оказаться в этом люксовом гробу?

И еще один вопрос не давал мне покоя. Кто сделал тот самый первый снимок, который потом растиражировали, чтобы привлечь внимание к Тисульской принцессе?

Оле пришлось отпроситься с фабрики и отправиться во Владимирскую область за какими-то документами, подтверждающими ее права на дом. Наконец настал день, когда она должна была привезти деньги.

– Знаешь, я не могу вот так, без всякой расписки, взять у тебя такую сумму, – сказала я. В душе я восхищалась поступком подруги, решившейся заложить ради меня свою единственную недвижимость. – Думаю, будет правильно, если ты попросишь того нотариуса, который помогал тебе оформить кредит, составить документ, где говорилось бы, что ты даешь мне в долг две тысячи евро, а я обязуюсь вернуть тебе эту сумму в течение года.

Оля поначалу отказывалась, но потом согласилась. Сразу дала понять, что будет считать эту расписку формальностью. Больше того, сказала, что и сама примет участие в погашении долга, поскольку едет вместе со мной в Кемерово. На это я лишь покачала головой. Какое погашение, если на своей фабрике она не зарабатывала и двадцати тысяч. Не знаю, как бы она жила, если бы ей время от времени не помогала мать.

– Держи, можешь пересчитать! – Оля положила передо мной стопку купюр. – Здесь ровно две тысячи евро.

Я счастливо вздохнула. Мне, сестре профессиональной мошенницы, невольно подумалось, что деньги могут быть фальшивыми. Оля словно прочла мои мысли:

– Они настоящие. Он получил их в банке, я все видела.

– Спасибо тебе, Олечка. – Я потянулась, чтобы обнять ее, она как-то неловко покачнулась, взмахнула рукой, и деньги разлетелись по всему столу. Несколько купюр упало на пол.

– Ты обещала принести расписку, которую я должна подписать, – напомнила я. – Иначе отнесешь эти деньги тому, у кого взяла.

Хотелось, чтобы она увидела во мне человека честного и благородного.

– Ладно. – Она вздохнула и достала из папки бумаги, принялась листать. – Представляешь, сколько всего пришлось подписать, чтобы получить эти деньги?

Наконец, передо мной лег лист, который я не глядя подписала.

Оля взяла его в руки и вдруг расхохоталась.

– Ты подписала черновик нашего с ним соглашения. Так, сейчас. Минуточку.

Появился другой листок. На этот раз я пробежала его глазами. Оля! Конечно, она давала мне не год, а два на погашение долга.

– Спасибо, – еще раз от души поблагодарила я.

– Все будет хорошо, – сказала она, и я поняла, как она горда хорошо проделанной работой.

Два следующих дня были полны хлопот. Оля написала заявление об отпуске, потом мы с ней отправились в банк менять часть денег на рубли. Купили билеты на поезд (как-то весело и легко решили, что это будет купе) и кое-что в дорогу.

И вот, наконец, уставшие, но счастливые, мы сидим в купе и тихонько радуемся, что нас пока двое. Поезд тронулся, но к нам так никто и не подсел. Это было настоящее счастье. На какое-то время я даже забыла, куда и зачем еду. Показалось, что мы с подругой просто отправляемся в отпуск. Думаю, причиной моего легкомыслия была сама Аня. В глубине души я, конечно, надеялась, что увижусь с сестрой уже совсем скоро.

Поездка была хоть и долгой, но комфортной. Мы готовили салаты из помидоров и огурцов, заваривали кипятком вермишель и каши, покупали у разносчиц свежие булочки и пили чай с лимоном. Спали, болтали, читали, разгадывали кроссворды. Только когда за окном поплыла зеленая тайга с овальными зеркалами озер, отражающих голубое небо, мы, замороженные, замолчали.

Сибирь! Куда мы едем? Зачем? Мне вдруг стало страшно. Что, если моей сестры там никогда не было и фото девушки в саркофаге не имеет к Ане никакого отношения? Что мы там будем делать?

Конечно, мы договорились, что скажем любому, мол, я пишу книгу о Тисульской принцессе. Опросим всех без исключения жителей деревни Р. Я так и буду представляться: писательница. И все, поездка будет оправданна. А может, это и есть судьба? Когда бы еще я собралась в такую глушь?

Не выдержав, я поделилась своими опасениями с Олей.

– Ты даешь, подруга, – рассмеялась она. – Думаешь, я поверила, что мы едем спасать твою сестру? Конечно, она жива и здорова! А вот книгу ты точно напишешь. И я тебе помогу.

Возьму на себя все хлопоты, освобожу тебя от всего, что отвлекает, чтобы ты могла только писать. Ты же творческая личность, я все понимаю.

Я смотрела на нее во все глаза и спрашивала себя, за что судьба подарила мне такого человека, такую подругу. Если не считать сестру, меня всегда окружали чужие люди. Конечно, среди них встречались такие, как Людмила Николаевна или мой шеф Миша Пелькин. Но все равно они были чужими. Никто из них не был способен отправиться со мной в Сибирь в путешествие, которое, как в сказке, вело нас туда, не знаю куда, где есть то, не знаю что. Зато Оля, которая появилась в моей жизни совсем недавно, готова поддержать мою самую нелепую затею. Пожалуй, впервые в жизни я поняла, что такое настоящий друг.

В пять утра мы прибыли в Кемерово. Проплыли пригороды, город, потом показалось выкрашенное бирюзовой краской здание вокзала.

У меня было чувство, будто я сплю и вижу сон. Если бы я знала, сколько всего мне придется здесь пережить, не исключая, что я уговорила бы Олю сразу взять билет обратно в Москву. Увы, никто не может знать своего будущего. Не знали его и мы.

Действовали мы так, как и положено гостям. Очень вежливо обратились к водителям машин, припаркованных здесь же, на привокзальной площади, и попросили довезти нас до Р. Мы знали, что от областного центра до этой деревни около двухсот километров, знали, что бензин будет стоить восемьсот рублей, а потому были приятно удивлены, когда один из водителей согласился довезти нас за полторы тысячи.

Поселок Р. был маленьким, всего несколько домов, со всех сторон окруженных густым лесом. Даже представить трудно, что кто-нибудь из местных жителей может толком рассказать что-то о Тисульской принцессе. Судя по всему, здесь и жители все преклонного возраста, вряд ли они что-нибудь помнят. Меня охватил страх. Я почувствовала себя настоящей колдуньей, заманившей наивную Олю в эту зеленую глушь.

Мы расплатились с водителем и пошли по улице, рассматривая дома, огороды, сады, вдыхая изумительный хвойный воздух. Прошли всю деревню и остановились перед новым двухэтажным домом. Вывеска на нем у обеих вызвала смех: «Отель».

– Что ж, это обнадеживает, – сказала я Оле. – Гостиница в такой деревне – уже признак того, что здесь бывают гости. Куда они, спрашивается, приезжают? Зачем? Туристы?

– Конечно, туристы! – воскликнула Оля. – Приезжают посмотреть на твою принцессу.

Мы поднялись на высокое крыльцо, открыли тяжелую дубовую дверь и оказались в красивом холле, устланном красным узорчатым ковром. На ресепшен с вязаньем сидела молодая женщина. Увидев нас, она улыбнулась так, как если бы увидела неожиданно свалившихся с неба долгожданных родственников. Встала, отложила вязанье.

Я поздоровалась, попросила номер.

– Надолго к нам? – Администраторша разглядывала нас с удивлением, словно сама не верила, что в ее пустующий отель кто-то заглянул.

– Как сложится, – уклончиво ответила я. – А здесь еще кто-нибудь есть?

– Есть. – Мне показалось, что она солгала. – Вы отдохнуть?

– Можно сказать и так. Хотим взглянуть на ваши красоты.

– Что ж, добро пожаловать.

У меня была возможность разглядеть ее. Совсем не деревенская женщина, уж будем откровенны. Ухоженная, с тщательно наложенным гримом, с простой, но благородной прической, которая подчеркивала ее культуру и говорила о хорошем вкусе. Она встала, чтобы забрать с деревянной панели на стене ключи, и мы с Олей переглянулись. Темное шелковое платье, облегающее стройную фигуру, было идеальным. Кто она такая? Хозяйка?

– Вы хозяйка? – Оля в очередной раз прочла мои мысли. – Вы не очень похожи на деревенскую жительницу.

– Да, мы с мужем владельцы этой гостиницы. Меня зовут Кира. Теперь, когда мы практически разорены, – она горько усмехнулась, – когда все поняли, что в этой дыре ловить нечего, нам остается только подсчитывать убытки. Но поскольку идея гостиницы принадлежала мне, стало быть, я во всем виновата. Вот теперь живу здесь в наказание.

– Вы серьезно? – Оля захлопала ресницами.

– Уж куда серьезнее. Но ничего, без мужа, знаете ли, я почувствовала себя даже лучше. Спокойнее, что ли. Раньше переживала, когда поток туристов схлынул. Думала, придется сдавать комнаты только редким рыбакам и охотникам. От нервов у меня даже лишай появились на теле, да-да! А сейчас, когда муж меня бросил и больше не на кого рассчитывать, только на себя, я меньше переживаю.

– Но чтобы содержать даже такой небольшой отель, все равно нужны средства. – Я тоже вступила в разговор.

– Поверьте, почти нет. Горничных я уволила, в номерах убираю сама, постельное белье стираю тоже сама. Остается платить за коммунальные услуги, но они невелики.

Она оказалась словоохотливой, но мы слишком устали. Не терпелось поскорее оказаться в номере, принять душ и выспаться.

Брелок с ключами от номера, как и остальные брелоки, висящие в ряд за Кириной спиной, оказался грушей из чистого янтара.

– Нет, это точно не пластмасса. – Оля даже попробовала грушу на зуб. – Настоящий янтарь, дорогая штукавина. А там этих груш – ты обратила внимание? – не меньше пятидесяти. Вроде гостиница небольшая, а номеров много.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.